

Юрий Нечипоренко
Бахтияр Мурсалов

Юрий Нечипоренко. Ученый-биофизик и писатель. Работал в издательском доме «Веселые картинки», в МГУ, в Севастопольском госуниверситете. Ведущий научный сотрудник Института молекулярной биологии РАН (Москва). Автор более двадцати книг, в том числе биографий Гоголя, Пушкина, Ломоносова, Достоевского. Лауреат литературных премий «Ясная Поляна», «Золотой Дельвиг», им. Сергея Михалкова, «Золотой Витязь» и мн. др. Член Союза писателей России, член Русского Пен-центра. Живет в Москве.

Бахтияр Мурсалов. Прозаик. Окончил Пятигорскую Государственную фармацевтическую академию, специальность — провизор. Работал в Дербенте заведующим аптеки, преподавателем фармакологии Дербентского медицинского колледжа, провизором Центральной городской больницы. В настоящее время провизор на станции скорой медицинской помощи и в медицинском лечебно-диагностическом центре «Здоровье». Живет в Дербенте.

Лестница в небель¹ (повесть)

*Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night*
William Blake

Друзьям и коллегам, врачам и ученым посвящается

Глава 1 **Таинственные письма**

В дверь тихо постучали. Врач сказал:
— Войдите!

Дверь открылась, кто-то вошел. Алик, заполнявший историю болезни предыдущего пациента, продолжал смотреть на экран компьютера.

¹ Здесь приведена журнальная версия произведения.

— Добрый день, — произнес мелодичный голос.

Алик окончил музыкальную школу по классу гитары, и в голосах окружающих всегда искал сходство со звучанием тех или иных инструментов. Здесь — особая пластика голоса, мягкость звуков; слова тянутся, как будто хозяйка пробует их нараспев... Флейта.

— Добрый, — машинально ответил он, все еще не поднимая глаз.

Но внезапно почувствовал: начинается что-то необычайное...

Что это? Может, запах духов? Или что-то другое?

— Присаживайтесь, — сказал он и, наконец, взглянул на посетительницу.

Незнакомка была похожа на его первую любовь.

Жаркая волна ударила в голову.

Эля училась классом старше и ему напоминала античную богиню. Позже, уже в студенческие годы, Алик прочитал роман Гете «Избирательное сродство». Будущего врача восхитило это определение любви: как лекарство избирает путь к своей мишени, белку-рецептору в теле, так и чувство находит сердечного друга по закону сродства.

Алик не знал дальнейшей судьбы Эли (полное имя — Эльнара). Он уехал в Москву и потерял ее следы. Эта девушка была двойником Эли, ее копией.

Сколько ей лет? Эльнаре было бы сейчас под тридцать. Посетительница намного младше. Может быть, младшая сестра? Мысли пронеслись за один миг.

«Господи, какие глупости! О чем я думаю?» — вдруг опомнился он.

И обратился к пациентке:

— На что жалуетесь?

— Сыпь, — чуть слышно сказала девушка.

Алик окинул девушку взглядом. Она была одета, можно сказать, завернута с ног до головы в платье пепельного цвета. Чувствовалось, что она тоже чем-то удивлена: может быть, тембром голоса Алика, а может, тем, что перед ней оказался молодой человек, которому неловко рассказывать о такой болезни.

— Где? — спросил Алик.

Девушка закатала рукав. Раздражение несильное, шло от кисти — несколько полос во всю ширину запястья, и дальше, почти до сгиба локтя.

— Давно это у вас?

— Уже неделю, и все больше проявляется...

— Можно взглянуть?

Алик не стал надевать перчатки, протер пальцы салфеткой и осторожно взял ее руку в свою. Кисть девушки доверчиво легла в его ладонь. Прохладная, легкая рука с нежной, просвечивающей кожей. Кажется,

можно увидеть, как пульсирует кровь в сосудах... Алик разглядывал полосы. Похоже на аллергическую реакцию.

Девушка замерла. Между нею и врачом словно образовался какой-то контур, замкнулась цепь и побежал электрический ток. Наконец, сбросив оцепенение, она проговорила извиняющимся тоном:

— Подруга увидела здесь слово...

— Слово? — Алик удивился и стал поворачивать руку девушки, стараясь получше разглядеть место раздражения.

Действительно, полосы складывались в некие подобия прописных букв; при желании можно сложить из них слово.

— Ну и воображение у вашей подруги!

— Она говорит, — доверчиво произнесла девушка, — что это знамение, вроде как знак. «Жди»!

Алик взгляделся в замысловатую вязь.

— Знамение? — он усмехнулся. — А почему «жди»? Я тут вижу скорее «иди», или даже «беги» — эти полосы можно прочесть по-разному, все зависит от воображения. У тигра тоже полосы на теле, но никто пока не додумался их читать...

Девушка посмотрела на надпись, и ей показалось, что та уже изменилась. Действительно, теперь больше похоже на «иди»: одна палочка от «ж» пропала. Но где же «беги»? Верно, врач пошутил. Она подняла глаза и встретила его взгляд, в котором не было насмешки — скорее смешинка.

Алик, как и большинство коллег, считал себя атеистом, но в религиозной вере признавал психологическую опору жизни человека. «Знамение» — это нечто из Библии или Корана...

— Давайте измерим давление и температуру. Вы не волнуйтесь, скорее всего, это аллергическая реакция. У вас раньше такого не было? Мед, шоколад, орехи не вызывали покраснения и сыпи? Встречаются также реакции на сок граната, апельсина, лимона. В вашем рационе произошли изменения за последние недели?

Девушка задумалась. Тем временем Алик смотрел ее карту. Звали красавицу Ольгой. Оля — почти Эля, имена отличаются одним звуком.

— О, да вы из Дагестана! У меня отец из Дербента.

— Правда? — обрадовалась девушка. — Мои родители из-под Дербента. Мы привозим в город виноград. Отец сам выращивает особые сорта.

Гроздь винограда — вот что напомнило ему тело девушки. Спелая, налитая гроздь...

— Недавно мы попробовали безглютеновую диету, — опять произнесла она нараспев своим чудесным грудным голосом.

— В любом случае, вам надо на время исключить из меню все экзотические фрукты, сладости, все необычное. И повремените с модной диетой, ешьте пока кашу, вареное мясо...

Температура пониженная, давление тоже оставляет желать лучшего: сто на девяносто. Алик измерял давление дедовским методом — по звуку в стетоскопе. Ольга удивилась, что в новой частной клинике пользуются приборами советского образца, и Алик объяснил ей, что так врач лучше чувствует пациента. Врач доверяет больше себе, чем электронным приборам.

Он подумал: у красивой девушки должно быть красивое сердце. И стучит оно гармонично, музыкально. Алик вспомнил лекцию о красоте человеческого сердца, которую читал врач и любитель искусства Михаил Алшибая. Вот кому можно было бы поставить памятник — человеческому сердцу!

Послушав сердце пациентки, Алик не выявил никаких отклонений: «тук-тук» прослушивалось ясно и гулко, без посторонних звуков. Зато он обратил внимание на шелковистую кожу и маленькую, словно точечную грудь. Телесный контакт с Ольгой был для него даже чрезмерным, ему предшествовало напоминание о первой любви, где ни о чем подобном речь не шла. Те чувства были идеальными, платоническими...

Ольге нужно обследоваться и подлечиться. Первым делом проверить гемоглобин: похоже, у нее анемия. К тому же видно — что-то ее беспокоит, а с такими подругами (Алик вспомнил про «знамение»), не ровен час, попадешь к психиатру.

Он сел за стол и начал писать. Направления на анализы, рецепты на лекарства... Ему хотелось продолжить общение с этой чудесной девушкой — даже без задней мысли, но Алик знал: дагестанская девушка никогда не даст свой телефон при первой встрече незнакомому мужчине, даже врачу. А вот его телефон она могла бы взять... И он пошел на хитрость: выписал препарат, который без рецепта врача не дают.

— Вот назначение, — сказал он. — Внизу мой телефон. Будут вопросы, звоните.

Алик, Алик, а как же твоя Наташа? Как же милые близняшки Поля и Зоя? Пять лет как ты женат, нашел верную спутницу жизни, создал семью — и опять туда же, за новыми впечатлениями, за адреналином и дофамином...

Иметь несколько жен — в мусульманской традиции. Половина крови у Алика — Александра Гусева — восточная, кавказская, горячая. Но мама, которую он очень любил, была русской, из Владимира, так что к русским женщинам Алик относился с пиететом. Не хотел он обидеть и свою Наташу.

Частная клиника не была основным местом работы Алика. Он писал диссертацию в научно-исследовательском институте, а здесь подрабатывал. Нужно было кормить семью, платить за съемную квартиру — стипендии аспиранта и полставки в институте на это не хватало.

Прием закончился, поток пациентов иссяк. Алик какое-то время сидел, глядя на колпачок ручки: так он обычно сосредотачивался. Потом вскочил и принялся расхаживать по кабинету, как тигр по клетке, словно чувствовал укоризненный взгляд жены. «Встретил землячку, захотел узнать, как идут дела на родине, где давно не бывал».

Воспоминание о самом южном городе России, где прошло его детство, — всегда радость. Давно уже Алик в Москве, здесь он окончил мединститут, женился, здесь родились его дети, — а все тянет на родину...

Глава 2 В цветах

Как Алик и рассчитал, Ольга позвонила через полчаса: лекарство в аптеке не отпустили без рецепта. Алик встретился с ней, и они вместе зашли в аптеку. Он даже хотел заплатить за лекарство, но Ольга проявила твердость и расплатилась сама.

Потом они сидели в торговом центре, на виду у всех, пили кофе по-восточному, и Ольга рассказывала про Дербент.

— Работы там почти нет, молодежь уезжает... Но нет худа без добра — в пандемию туристов стало побольше, из-за закрытых курортов и закрытых европейских границ. Тогда у нас началось строительство новой набережной, в старом городе появились скверы...

— Слышал, еще открыли Петровский культурный центр — музей Петра Первого.

— Да, школьникам теперь есть куда ходить кроме базара... Молодежь у нас учится, самые способные ездят в Сочи и в Крым, в «Сириус» и «Артек». Власти проявляют заботу о юных талантах.

Как приятно это слышать Саше!

Аликом звали его друзья и коллеги. Имя «Александр» дал ему отец — в честь Александра Македонского. Отец увлекался древней историей и, верно, хотел, чтобы его сын прославился в веках. А мама звала его Сашей. И когда он вспоминал детство, становился опять Сашей.

Алик-Саша смотрел на Ольгу и понемногу влюблялся. Он решил, что станет ей для начала старшим другом — все же девушка младше его лет на десять.

Ольга рассказывала, что приехала в Москву и поступила в сельскохозяйственную академию, но потом с учебой что-то не заладилось. Сейчас она в академическом отпуске, ищет работу и живет у подруги Зинят, которую по-русски зовут Зиной. Ольга о подруге говорила с придыханием — чувствовалось, находится под ее влиянием. Имя «Зинят» происходит от арабского «зин», что означает «красивый». В Зинят есть красота и утонченность, она обладает изысканным вкусом и чувством стиля, любит красоту и гармонию и стремится создавать их вокруг себя. У нее есть коллекция старинных перстней...

Алику даже захотелось познакомиться с Зинят — так ее расхваливала Ольга... По ее словам, Зинят еще и связана с мистикой. Это она прочла слово «жди» на руке Ольги. Тут Алик немного напрягся, но, подумав, что Зинят как-никак направила Ольгу к нему, заочно простил ей мистическую блажь.

Ольга не хотела сидеть на шее у своей покровительницы, быть частью ее коллекции. Она искала работу, но тут пошатнулось здоровье...

Алик видел: девушка что-то недоговаривает. Причина, по которой она ушла в академку, оставалась неясной. Скорее всего, дело в несчастной любви, догадался он. И предложил девушке помощь. Его бывшая сокурсница Лола, поняв, что работа врача — не ее призвание, открыла магазин-студию флористики. Он позвонил Лоле.

Так все устроилось наилучшим образом: студия флористики в центре столицы готова взять девушку на работу, приступать можно с завтрашнего дня. Алик сам отвез Ольгу в студию, познакомил с Лолой и распрощался с обеими: в институте его ждала встреча с шефом.

Глава 3

Ангелы Запада и Востока

Алик работал в НИИ микробиологии, занимался очищением антигенов, то есть молекул, которые должны атаковать в организме пришельцев — чужеродные тела вирусов и микробов. Его диссертация имела прикладное значение, но он мечтал о настоящей науке. Алику мешало то, что он не имел научного образования, только медицинское, и потому многого не знал. Он трудился на стыке разных наук, и там, на стыках, встречались дыры: науки не очень плотно подходили друг другу, цельный пазл пока не складывался.

Алик готов был работать за идею, особенно если она была его собственной. Его интересовала борьба с вирусом SARS, что велась по всей планете. Вирус связывался с белком-рецептором, который расщепляет

ангиотензин — вещество, регулирующее давление в организме. «Ангио» — не от «ангела», как можно подумать, а от греческого «аггио» — сосуд: наши тела — сосуды для души. Когда одолевают страсти, душе становится тесно в сосудах, возникает tension, то есть напряжение, давление. Тут-то и начинается болезнь (или настоящая жизнь?). Давление подскакивает у влюбленных, у поэтов в экстазе творчества, у охотников в поле и у актеров на сцене — у всех, кто увлечен своим делом и отдается ему без остатка.

Давление... У Алика от одного этого слова кружилась голова: его отец умер от инсульта. Вирус повышает давление, и оно разрывает сосуды, происходит кровоизлияние, ткани отмирают... Ученые пытались разгадать пути вируса, но он, как ниндзя, ускользал от их попыток. Мог наносить удары в нос (пропадало обоняние), в грудь (воспалялись легкие), в живот (расстраивался желудок), в сердце, бил по сосудам — находил у каждого человека уязвимые места. В отличие от ниндзя, он бил изнутри, и следы ударов можно было разглядеть разве что под микроскопом. И единого лечения не найти: каждый болеет как бы своей болезнью, по-своему, — значит, и лечить каждого надо индивидуально, как бойца, получившего в сражении свою собственную рану.

Алик хотел удивить шефа своей новой идеей об антителах. Если вирус цепляется за белок, повторяя зеркально его структуру, то антитела к вирусу могут служить подобием самого белка, и значит, они могут делать то же самое, что и он — расщеплять ангиотензин. У больных ковидом бывает повышенное давление, а антитела будут его понижать.

Шеф Алика Андрей Арканов — человек «штучный»: известный ученый, автор большого числа идей и статей. Невзирая на свои заслуги, в институте он всего лишь руководил лабораторией, где, помимо них с Аликом, числилось еще двое ученых пенсионного возраста, с началом пандемии прочно засевших на карантине. «У меня в строю полторы каллеки», — шутил шеф. Впрочем, наукой он занимался нешуточной: предложил идею лечить больных вирусными заболеваниями при помощи колонок.

Есть колонки, которые стоят на улицах в селах и маленьких городах — из них можно набирать воду. Есть бензоколонки, из которых машины получают топливо для моторов. А еще — журнальные и газетные колонки, где известные люди пишут свои размышления о том, как понимать те или иные события. У врачей и ученых существуют свои маленькие, пористые колонки по которым протекают растворы всяких веществ. Если к колонкам «пришить» молекулы, они смогут задерживать все, что липнет к ним. Можно очищать кровь, прогоняя ее через колонку. Злокозненные вирусы и негодные клетки, старые и больные,

будут задерживаться, и человек выздоровеет. Для профилактики такие процедуры проделывают по весне и некоторые «продвинутые» люди, чтобы отладить все системы организма и вновь ринуться в поток творчества и наслаждений. В этом смысле колонка похожа на маленькую «лестницу в небо» — путь к здоровью и радости жизни.

С началом пандемии институт сузил темы исследований: все, что не направлено на борьбу с пандемией, постепенно прикрывалось. Директор института Владимир Кармановский говорил, что коллективу надо переключаться на актуальные темы, сопровождать прикладные разработки. Шеф Алика думал иначе, за что не раз бывал бит на Ученом Совете. Кармановский топал ногами и прилюдно кричал:

— Кому нужны ваши колонки? Это же чистая фантастика! Пока вы их наладите, пройдет несколько лет! Мы не можем себе позволить расплываться сейчас, при борьбе с пандемией. У нас госзадание, мы должны работать на вакцины! Вообще пора привыкнуть, что в институте нет ничего постоянного, мы должны следовать времени, отвечать на его вызовы!

Спорить было опасно: в глазах директора ценность ученого определялась только доходами от его грантов и договоров, а колонки Арканова пока не приносили институту денег. Отношения директора с завлабом накалились настолько, что со дня на день лабораторию могли расформировать. Шеф советовал Алику как можно скорее выходить на защиту, пока их тему не прикрыли. По его словам, попытки превратить фундаментальную науку в бизнес происходили не только у них в НИИ, но и во всем мире.

Когда Алик поделился с шефом своей идеей, тот его похвалил:

— Вы на правильном пути. Это хорошая мысль!

Только Алик обрадовался, как шеф добавил:

— Впрочем, мысль не нова. Есть статьи, в которых изложены подобные идеи. Антитела эти называются «абзимы», от английского «antibody enzyme» — антитело-энзим. Однако никто не смог пока получить такие антитела к вирусу. Так что дерзайте — и читайте больше научной литературы!

Алик был обескуражен. Слово-то какое неловкое: «абзим», словно рот разеваешь — и глотаешь пустоту. Аб — и зевнул...

Он решил оправдаться:

— У меня совсем нет времени. Эксперимент ждет, а копать литературу — отдельная большая работа.

— Да, я знаю. Но вы же хотите защищаться по научной дисциплине, вам надо писать обзор! Впрочем, можете пойти по пути великого физика Ландау — известно, что он сам не читал статьи, ему их пересказывали.

Алик не знал, обижаться ему или порадоваться сравнению с Ландау... Шеф заметил его замешательство.

— Ладно, раз уж мы заговорили об этом... Помните, мы с вами говорили о том, что антитела в организме напоминают ангелов, защищающих нас от болезней? Оказывается, не только нам это пришло в голову. Есть даже скульптура «Ангел Запада», на которой изображено антитело в круге, как человек у Леонардо да Винчи.

Шеф показал Алику на экране компьютера изображение скульптуры «Ангел Запада» перед Институтом Биологии в США.

Алик знал, что на Западе наука в этой области развита сильнее нашего. Там и связь науки с искусством проработана досконально, начиная с Леонардо да Винчи. Однако ему вдруг стало обидно. Он, родившийся на стыке Европы и Азии, считал, что самая плодотворная почва для развития культуры — как раз на границе Запада и Востока, в Евразии. И вдруг оказывается, что антитело — это ангел Запада.

— А что же, на Востоке живут другие люди? У них другие антитела — не ангелы, а демоны? Каким будет тогда «ангел Востока»?

Шеф быстро нашелся:

— Если ангелы Запада — антитела, то ангелами Востока будут лимфоциты!

— Точно! Клеточный иммунитет дополняет антительный!

— Да, это две стороны одной медали. О клеточном иммунитете мало что известно.

— Можно только молиться на него! — проговорили они в унисон и рассмеялись.

Если директор считал фантастикой идеи шефа про колонки, которые могли бы чистить кровь больных при помощи пришитых к ним антител, а шеф, в свою очередь, не верил, что антитела, с которыми работал Алик, смогут работать, как фермент и расщеплять ангиотензин, то получалось, что Алик занимался фантастикой в квадрате!

Однако, критикуя Алика, шеф предоставлял ему полную свободу. Тот ставил эксперимент за экспериментом. Как скульптор, лепил из белка новые структуры, как инженер-конструктор, проверял их в деле: пришивал к колонке и пропускал кровь больного.

Процедура непростая, но уже поставленная на поток: у шефа было соглашение с клиниками — и кровь ему давали. Алик чувствовал себя на пороге великого открытия: какие-то из антител расщепляли ангиотензин, и осталось только отобрать лучшие, наладить всю процедуру, проверить протоколы — и приступить к лечению пациентов.

Алик верил, что может реализовать любую идею, ведь пока у него получалось все, за что он ни брался...

Глава 4

Сила перстня

В студии флористики посетителей встречала настенная надпись с изречением Гете: «Цветы — это прекрасные иероглифы природы, они показывают, как сильно она нас любит». Во всем здесь чувствовался вкус хозяйки. Каждое растение было снабжено табличкой: вид, происхождение, где выращено и когда поступило в магазин.

Хозяйка магазина Лола дружила и с Аликом, и с его женой Наташей. Ее удивило, что Алик стал покровительствовать молодой девушке. Раньше за ним такого не наблюдалось. Она решила приглядеться к Ольге и в первый день ее работы задержалась в магазине.

В студии-магазине мастера готовили букеты по заказам постоянных клиентов — для театральных премьер, торжественных церемоний. В этот дождливый вечер редко звенел китайский колокольчик, оповещавший о посетителях. Лола показывала Ольге, как готовить букеты из сухих цветов, и одновременно рассказывала ей про Алика. Он наполовину кавказец: носит фамилию матери — Гусев, а по отцу он — Гусейнов. Бывают же совпадения! Алик соединил в себе лучшие черты народов, гены которых смешались в нем. В мединституте его любили многие девушки курса. Душа компании, целеустремленный и добрый, он играл на гитаре, помогал друзьям и обещал стать прекрасным мужем и отцом. Повезло Наташе, девушке из семьи потомственных врачей, которую Алик выбрал в жены. Они отлично дополнили друг друга. Сейчас у них очаровательные двойняшки, в которых Алик души не чает, и дружная семья, хотя ее глава посвятил себя науке, и дома его почти не видят.

Лола не сказала Ольге, что уже позвонила жене Алика и рассказала, что Алик устроил к ней на работу свою землячку. Наташа приняла известие с завидным спокойствием. Всем бы женам такую уверенность в верности мужей!

Ольга слушала и думала: зачем хозяйка магазина рассказывает ей о семье Алика? Видимо, хочет предупредить, что лучше не вторгаться в его жизнь. Но Ольга и не собиралась вторгаться: сердце ее принадлежало другому человеку.

Отец Мурада был русским, мать — дагестанкой. Они погибли в авткатастрофе, когда ему было пять лет. Отца Мураду заменил дедушка Тимур — человек старой закалки и крутого нрава.

Семья жила в достатке. Бабушка Мурада, которой не было и пятидесяти лет, когда погибла ее дочь, могла позволить себе дорогие наряды и украшения. Мурад с детства тяготел к красоте, играл с бабушкиными

драгоценностями. Окончив художественную школу, он увлекся ювелирным искусством.

В Дагестане есть аул Кубачи, где мастера хранят традиции ювелирного мастерства. Мурад выработал свой стиль, быстро обрел известность и оказался в Москве, где стал участвовать в выставках. Одна из них под названием «Украшения природы» проходила в Тимирязевской академии, где Мурад и познакомился с Ольгой. На выставке представили коллекцию мужских перстней и женских колец с цветочным орнаментом.

Ольге понравились импровизации Мурада на тему крокусов. Она увидела в художнике человека с неистощимой фантазией, способного создавать новые миры. Мурад словно изучал лекала, по которым природа создавала цветы и бабочек, ящериц и тигров, и изготавливал кольца и перстни, полные языческой силы. Ольга, у которой был хороший вкус, сразу почувствовала: то, что делает этот ювелир, уникально. Она задержалась на чудесной выставке, примеряла кольца и разговаривала с художником, находившимся здесь же.

Мурад произвел сильное впечатление на Ольгу. Хоть он и был старше ее на десять лет, но выглядел скромным юношей. Тонкий художник, неуверенный в себе. Ольга поняла, что он нуждается в поддержке.

Через пару месяцев они уже подумывали о женитьбе. Но сделать такой шаг без благословления деда Мурад не мог. Понимая, что дед Тимур, скорее всего, выступит против брака, он тянул время и никак не мог совершить «мужской поступок» — предложить Ольге руку и сердце. Неопределенность мучила Ольгу. У нее начались проблемы со здоровьем, из-за которых пришлось уйти в академический отпуск.

В этот период Мурата пригласили на работу в европейскую фирму. Требовалось принять решение: ехать одному или брать с собой Ольгу. Но в каком статусе девушка поедет с художником за границу? Вопрос о браке встал со всей остротой.

Важный разговор Мурада с дедом состоялся как раз на следующий день после знакомства Ольги с Аликом. Мурад рассказал, что он должен ехать в Европу, и хочет взять с собой невесту.

— Она наша? — спросил Тимур.

— Нет. Но она научится.

«Чему научится? — подумал Тимур. — Выучит наш язык, обычаи — и станет послушной женой?» Нет, «не наша» — значит, брак заключать нельзя. Это запрет — как завет предков. Ольга была представительницей другого дагестанского народа, а Тимур мечтал увидеть правнуков, которые скажут ему на родном языке: «Я люблю тебя, дедушка!» К тому же, с точки зрения Тимура, Ольга уже была испорчена тем, что прожила какое-то время в Москве.

Дед ничего не хотел слышать, и Мурад понял: его не переубедить. Хотя молодежь не обращала особого внимания на стереотипы прежних времен, старики все еще жили прошлым...

Ольга пришла к Мураду вечером с крокусами в горшочке. Это был знак, ведь с крокусов на выставке и началось их знакомство. Ольга рассказала, что нашла себе новую работу, но умолчала о знакомстве с Аликом.

Мурат молча слушал, отводил глаза, а потом вдруг произнес:

— Нам придется отложить свадьбу. Дедушка сказал, что мне надо встать на ноги, и только тогда можно будет жениться.

— Встать на ноги? А ты что, стоишь на коленях? И что ты все дедушку слушаешь? Ты уже не маленький. Будь женщиной!

Нелегко слышать такой упрек из уст любимой, еще тяжелее — чувствовать, что она права. Но что мог поделать Мурад — артистический, мягкий и податливый? Его отец и мать уже пошли однажды против воли предков — и чем это закончилось? Родился Мурад, а они погибли. Мурад сам — дитя нарушения завета отцов, и этого с лихвой хватало на его судьбу.

— Хорошо, мы будем вместе. Но со свадьбой все-таки придется подождать.

— Жди, жди, жди — я только и слышу от тебя эти слова!

Ольга не на шутку рассердилась. Она вспомнила про «жди» на своей руке. А может, это — «иди»? Или даже «беги», как прочитал слово Алик? Она швырнула на пол горшок с крокусами, набросила куртку и выскокила из квартиры-мастерской Мурада.

«Беги! Беги! Беги!» — стучало у нее в висках.

Мурад собрал цветы с землей и поставил их в стакан, аккуратно вытерев пол и выбросив черепки.

Один крокус оказался надорван. Крокус, он же шафран. Императорский цветок в Китае...

Мурад вспомнил работы ювелира Ильгиза Фазулзянова, крокусы в перстне. Язык эмали был слишком гладким, приторным для него. Ему хотелось чего-то другого. Рваные цветы, раны цветов, черная земля и битые черепки. Он думал, как воплотить в искусстве переживание, боль от размолвки с любимой. Как передать страдание?

Цветы умирают и дарят нам свою красоту. Мурад никак не мог додумать эту мысль до конца. Девушка-цветок, дети-цветы — все это на грани пошлости. Но пошлость — от слова «пошло»: то, что пошло в народ, стало расхожим, как китайские побрякушки. Есть два Китая: древний, мудрый Китай высших достижений и Китай ширпотреба.

Мурад бросился к столу и начал рисовать. Как передать простую мысль, что цветы, умирая, приносят нам радость? Нарисовать раненый цветок, надломленный, вянущий? В увядании есть своя красота. Радость и счастье невозможны без страдания, жажда жизни — без страха смерти. Он вспомнил пушкинское: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...» Мурад чувствовал боль Ольги и сам страдал. Он — дитя разрыва традиции и дитя любви — нового соединения, зарождения новой традиции...

Мурад лихорадочно рисовал рваные раны и превращал их в украшения. Сейчас он чувствовал себя законодателем моды. Модус вивенди — праздновать жизнь во всех ее проявлениях и находить прелесть в страданиях...

Рана души в воображении художника оборачивается украшением, врачующим душу, которое человек носит на своем теле!

Глава 5

Славная подруга Зинят

Зина-Зинят явилась в Москву с Кавказа лет двадцать назад. В столице она сменила несколько занятий, пока не преуспела в качестве консультанта-психолога. Ее называли «леди-коуч», и она помогала людям раскрывать свои способности, обретать уверенность в себе и принимать важные решения. Ее клиенты, люди весьма обеспеченные, жили в разных городах и странах, потому она не так много времени проводила в Москве.

Они с Ольгой познакомились на выставке Мурада. Зина сама подошла к девушке, светившейся влюбленностью, разговорилась с ней. По словам Зины, она искала студентку, которая будет присматривать в ее отсутствие за котом и домашними растениями.

Зина была поклонницей таланта Мурада, следила за его творчеством со времени появления молодого художника в Москве и способствовала его продвижению. Она коллекционировала мужские перстни. Ей вообще нравились мужская одежда и аксессуары, она и одевалась по-мужски.

Сам Мурад о ней толком ничего не знал, кроме того, что она богата и одинока. На вернисажах Зина появлялась в окружении свиты друзей и подруг и каждый раз покупала самые лучшие и дорогие вещи. Однажды он побывал с друзьями-ювелирами у нее в гостях, в огромной квартире в центре Москвы. Зина показала свою коллекцию перстней, в которой вещи Мурада занимали почетное место. С ним самим она держалась

подчеркнуто вежливо и отстраненно, на дистанции, не вступая в дружеские отношения, которые часто связывают художников и коллекционеров.

Зина пригласила Ольгу, оказавшуюся ее землячкой, к себе, посмотреть коллекцию перстней. Коллекция произвела на Ольгу сильное впечатление. Особо ее впечатлил древний перстень с изображением головы тигра. Зинят хранила его в сейфе как самую большую драгоценность.

— С него когда-то началась моя коллекция, — объяснила она. — Этот перстень хранится здесь до поры до времени — ждет своего часа. Когда-нибудь я расскажу тебе о нем...

До того Ольга была знакома только с кольцами Мурада, здесь же перед ней открылся целый мир. Зина собирала не только перстни, но и печати. Печати и перстни — знаки силы, могущества и славы прошлых времен — заворожили Ольгу. Она начала понимать коллекционеров, которые могли часами разглядывать свои сокровища.

В Москве у Ольги не было родственников, и Зина стала ей как родная тетя, с которой она советовалась по самым разным вопросам. Подружилась Ольга и с любимым котом Зины — шикарным бенгальским Тагером, чье громкое мурлыканье порой напоминало рык тигра.

И когда Ольга пожаловалась на проблемы с учебой, это Зина посоветовала ей уйти в академку и пригласила пожить у себя. Ольге хотелось почувствовать себя на время москвичкой, жительницей столицы. Москва — не только местожительство и печать в паспорте, это огромная цивилизация, побольше иных стран, со своей историей и культурой...

Зина хорошо ориентировалась в культурной жизни столицы, не пропускала ни одной музейной выставки, ни одной театральной премьеры. Она сводила Ольгу в Большой театр, куда билеты стоили астрономически дорого для студентки, показала ей Малый театр, МХАТ, Консерваторию...

Зина была склонна к мистике. Она рассказывала Ольге истории из своей жизни, в которых многое значили знаки, предзнаменования. Особенно проняла Ольгу история про вестников, которую Зина поведала ей темным вечером, при свечах.

— Все мы — вестники друг для друга. Ты замечала, что перед встречей с кем-то из старых друзей судьба посылает весточку, как бы предзнаменование — на улице или в транспорте встречаешь человека, чем-то похожего на друга? А потом объявляется и сам друг, которого ты не видела давно...

— Да, что-то похожее бывало, — вспомнила Ольга.

— Так вот, есть вестники и более важных событий, поворотов судьбы. Ты думаешь, почему я к тебе подошла на выставке? Я почувствовала, что

ты — вестница для меня, что через тебя моя судьба как-то изменится, устроится по-другому. А я могу быть такой же вестницей для тебя. Люди связаны мистически, все мы несем на себе знаки судьбы, и по ним близкие люди узнают друг друга...

Зина рассчитала нумерологическую матрицу Ольги и увидела в ней большие способности, предрекла удивительное будущее. По словам Зины, карты открыли ей, что рядом с Ольгой будет мужчина-герой.

Сама Зина, со своим мужским характером, к сорока годам так и не нашла себе мужа, не построила семью. Зато она была окружена поклонниками и подругами. Зина обладала уникальным даром любви и внимания к друзьям и близким, к ней тянулись люди, и она многим покровительствовала. Несколько талантливых девочек из небогатых семей и из детских домов обучалось на ее деньги в престижных вузах столицы. Она любила устраивать судьбы девушек из хороших семей, удачно выдавала их замуж...

Зина помогала Ольге финансово, составила ей гардероб, учила пользоваться деньгами. Приблизив девушку к себе, насколько это возможно, она полностью доверилась ей.

Глава 6 **Спасение**

Ольга задыхалась от переполнявших ее чувств. Неужели Мурад оказался подлецом? А как же слова, что он шептал ей в минуты страсти? «Люблю, любимая, любимая моя...» И что — он бросит ее, сославшись на дедушку? Уедет без нее за границу? А там и вовсе забудет...

Ольга вошла в квартиру Зины, как сомнамбула. «Беги»... А куда бежать?.. Найдя в сумочке упаковку «феназепам», купленного в аптеке по рецепту Алика, начала судорожно глотать таблетки. Лекарство, которое прописал ей врач, успокоительное, но все зависит от дозы, — ей оно поможет успокоиться навсегда. И вот уже голова стала тяжелой, мысли замедлились, и Ольгу начало клонить в сон.

Но вдруг она почувствовала страх и осознала ужас своего положения. Сейчас все закончится. А как же отец и мать? Ведь ее смерть убьет и их! Подруга, которая доверила ей ключи от квартиры, найдет там мертвое тело. А друзья и близкие люди, родина? Она не увидит больше их... В голове пронеслись картинки детства, красота долин Дагестана встала перед глазами, и ей остро-остро захотелось жить. Но таблетки уже действовали, — что делать, как спастись?

Ольга вспомнила про врача, прописавшего ей лекарство. Набрала его телефон, дождалась ответа и пробормотала заплетающимся языком:

— Александр, простите... я наглоталась ваших таблеток...

Алик находился в лаборатории. Увидев звонок от Ольги, он удивился — как раз сам хотел ей позвонить, узнать, как прошел ее рабочий день. Услышав ее, сразу все понял.

— Откройте дверной замок! Адрес я знаю, сейчас буду.

Адрес Ольги он увидел в карточке в поликлинике и сразу запомнил, у него была фотографическая память.

В такси он вспоминал истории суицидов, которых он насмотрелся, когда работал на «скорой». Одна девушка наглоталась «феназепам», потому что родители не купили ей лабутены. Другая — потому, что молодой человек уехал на юг с ее подругой... У каждого бывают черные минуты, и, если подвернется под руку упаковка успокоительного, девушки глотают таблетки, а потом сами звонят в «скорую». Или звонят их родители. В масштабах страны таких случаев — тысячи. Вот и мчатся каждый день бригады медработников, чтобы исправить последствия несчастной любви к неверным парням. Или лабутенам...

Алик имел всегда при себе аптечку, где лежал «анексат». Пусть и с истекшим сроком действия, он помогал — и блокировал приступы глупости. Наше сознание, как воздушный шар, пребывает в невесомости, потому что мозг связан с телом сосудами. Как воздушный шар привязан к корзине веревками, так и наша душа укоренена в теле. Перережь эти веревочки — и отлетит душа Бог весть куда. По молодости лет страсти так зашкаливают, что рвутся эти веревочки — или даже кто-то им помогает. Или так: дышит живой человек всеми порами, и не только на коже — внутри нас в каждой клеточке миллионы пор — ворот, белков-рецепторов, которые ведут внутрь, проводят туда нужные молекулы, лекарства и сигналы. И если дать слишком много лекарства, то задохнутся клеточки, забьются поры, и погибнет человек на ровном месте, из-за каких-то мелких молекул...

Алик думал о том, как одно и то же лекарство может быть спасительным и ядовитым. Все зависит от дозы. Сейчас ему надо успеть нейтрализовать действие большой дозы как можно скорее — вколоть в вену антидот: он блокирует те рецепторы, на которые действует феназепам.

И вот Алик уже толкает дверь в квартиру, та поддается... Ольга лежит на полу рядом с бенгальским котом, который воет от ужаса. Хорошо, что успела открыть замок, прежде чем впасть в беспамятство. Алик проверяет пульс: слава Богу, девушка дышит и сердце работает. Беспомощность придает красавице особый шарм, но у Алика нет времени думать об этом. Он видит, что квартира огромная, здесь целая анфилада комнат, и первая — гостиная с диванами. Алик бережно переносит Ольгу

на диван, вкалывает ей лекарство, сооружает из швабры и пластиковой бутылки капельницу.

Вот «анексат» уже в крови. Щеки Ольги розовеют. Алик осматривается. Библиотека классической литературы с подписными изданиями Гоголя, Чехова и Достоевского говорит о вкусах хозяйки. А вот и учебники по ботанике, рисунки цветов и растений. Ольга отлично рисует, это практические задания — нарисовать сорняки. Дальше Алик видит рисунки, в которых угадывается рука мастера; под каждым — подпись, обросшая изящными завитушками: «Мурад». Видимо, это рисунки парня, из-за которого она наглоталась лекарств.

Талантливый парень, судя по рисункам. Но — кретин! Как можно было довести свою девушку до попытки суицида? Ольга не похожа на психопатку. Тут дело серьезное — несчастная любовь...

Алик смотрит на Ольгу с сочувствием — не всякому дано испытывать любовь такую, чтобы хотелось из-за нее расстаться с жизнью.

Ольга очнулась, она благодарно глядит на Алика.

— Дорогая, я вас прошу — больше без глупостей!

Алик рассказывает: с ним в классе училась девочка, совершившая попытку самоубийства из-за парня. Неудачную попытку... А потом вышла за другого — и живет счастливо, воспитывает двух сыновей и дочку. А если бы у нее получилось, не было бы этих чудесных детей. Полезно посмотреть на свою жизнь из будущего.

Алик берет Ольгу за руку:

— У вас обязательно будут дети, и вы будете счастливы. Не может быть несчастлива такая красавица.

Глава 7

Девушка и дедушка

Мурад чуть ли не всю ночь рисовал цветы, и только утром решился позвонить Ольге:

— Можно я к тебе приеду?

— Нет, не будем мучать друг друга. Зачем нам сцены? Ты принял решение — уезжай. Не получается ехать со мной — ничего страшного. Может быть, еще увидимся потом, если ты вернешься.

— Давай хотя бы попрощаемся по-человечески!

— По-человечески надо жить, а не прощаться. Ты знаешь, где меня найти, если вернешься из Германии.

Ольга бросила трубку и тут же забанила Мурада во всех коммуникаторах, внесла его номер в черный список на телефоне.

Мурад почувствовал, что теряет возлюбленную. Но решение, принятое под давлением деда, нельзя отменить. Может быть, все образуется, когда он обоснуется в Германии и вызовет ее к себе? На это была надежда.

Зная характер Ольги и ее привязанность к нему, он был уверен, что она не бросится на шею другому мужчине. Лучше сейчас расстаться мирно. Утонченная натура художника требовала спокойствия и сосредоточенности. Он жил с удовольствием, как будто любясь драгоценными камнями, беседуя с ними.

Это только профаны думают, что камни не умеют говорить. Камни расскажут многое, если только правильно их спросить. Скажем, осветить ультрафиолетом — и тогда они начнут сиять и переливаться.

Мурад подумал о бабушке, о его тонком лицемерии. А может быть, бабушка действительно лучше знает, что ему нужно?

Тимур детство и юность провел в Советском Союзе. Получил образование и работал агрономом. Разбогател в перестройку, на «сухом законе» — тогда вырубали виноградники, а он извернулся и смог вывести земли рядом с Дербентом из-под сельхоз-назначения. Они с директором совхоза часть виноградников вырубил, часть скрыли, а потом получили немалый барыш от продажи алкоголя туристам. А когда решили приватизацию земли, и вовсе нарезали те уголья на участки по пять соток и продали под застройку. На счет «раз» виноградники уничтожали, на счет «два» — отдавали землю под частные дома и дачи. Люди резали землю и получали барыши...

В общем, кому война, а кому — мать родна.

Тимур был человеком старой закалки, но новые возможности открыли в нем страсти к разнообразным утехам. Когда в городе появились массажные салоны, он стал заходить в них и пользоваться услугами тамошних девушек. Потом, когда все заговорили о СПИДе, решил, что это опасно, и завел себе молодую жену. Но и со старой супругой не расстался: официально у него была одна жена, на тридцать лет моложе его, а по факту — две.

На пике своих игр в гарем он так распетушился, что к двум женам хотел добавить третью. Но тут вышла неувязка. Тимур нанял в качестве прислуги девушку из небогатой семьи, а потом стал приставать к ней по интимной части. Тут и случилась история, которую Тимур хотел бы забыть. Девушка устроила ему такое, что с тех пор он больше к молодым не приставал и посторонних в дом не пускал. Западные правозащитники углядели бы харассмент, соседи же понимали: человек уважаемый удобно устроился в жизни. Поговаривали всякое, но свечи, как говорится, никто не держал.

Тимур знал толк в наслаждениях. Открыл для себя, что можно отказать от искушений, но для себя оставил лишь самые изысканные, которыми можно наслаждаться в одиночестве. Например, он не пил коньяк — он смаковал его вместе с сигарой. Тимур выращивал табак, сушил и ферментировал. Благо поработал в советские времена и в Краснодарском крае, так что знал толк в табаке. Сам же находил хороший коньяк, опускал в рюмку с коньяком самодельную сигару, вымачивал ее и, жадно схватив губами, присасывался к пропитанной части. На другом конце сигары после паузы весело поднимался дымок. Аромат сигары в смешении с парами коньяка пьянил его, производя жар в голове, и он испытывал настоящее блаженство.

Однако для окружающих он не пил и почти не курил.

Мурад все это знал. От любимого внука дедушка не имел секретов. В детстве Мурад застал и двух его жен, и ту девушку, что сбежала от Тимура. Тогда дед был в силах, и жены ходили по струнке, он одевал их в дорогие одежды и баловал.

Бабушка пестовала Мурада. Подружился он и со второй женой деда, по возрасту годившейся ему в матери. Жили они мирно. Семья знала крутой нрав Тимура, так что никто даже не пробовал ему перечить.

Мурад рос послушным мальчиком. Горе от потери родителей травмировало его настолько, что он все время опасался от жизни подвоха и не хотел проявлять активности даже с девушками, которые ему нравились. Он, как говорится, был «ведомым» во всех отношениях.

А деда он слушался даже и теперь, на расстоянии. Так повелось с детства.

Глава 8 Обретение и потеря

После истории с «феназепамом» Алик и Ольга душевно сблизились. Теперь после работы они сидели в кафе. Лекарства, что он ей выписывал, помогли, сыпь уже почти исчезла, слово «беги» побледнело.

Ольга живо интересовалась наукой, и Алик рассказывал ей о том, как организм отличает свое от чужого. Рассказывал о молекулах, благодаря которым мы испытываем чувства. В организме есть множество молекул-переносчиков, что связывают разные ткани и органы, собирают человека вместе. Ольга слушала внимательно, порой задавала вопросы.

— Откуда берутся чувство родства, симпатии?

Алик не смог сразу ответить, и Ольга пошутила:

— От симпатической нервной системы! Может ли быть у разных людей общая нервная система?

Алик опять задумался. Конечно, общей нервной системы у разных людей быть не может, но что происходит, когда люди влюбляются? Будто воля одного человека переселяется в другого.

Дедушка Ольги страдал болезнью Альцгеймера, и она еще в школе прочитала много об этом недуге. Знала она о молекулах-переносчиках сигналов от иммунной системы к нервной. Ее интересовали эти переносчики, вестники в мире молекул. Вот духи тоже переносят запахи, и по ним можно узнать человека. Одни духи нам приятны, другие действуют на нервы.

Увидев замешательство Алика, Ольга решила ему помочь:

— Родство — это когда молекулы похожие! Вот могут быть похожие антитела у родных людей?

— Нет, антитела вырабатываются на чужие тела, что проникают в клетку...

Антитела — это что-то почти невидимое, абстрактное. А тела? Телесное — то, что можно пощупать. Ему хотелось прикоснуться к ней. Он взял ее за руку — как тогда, на приеме в клинике. Она не отняла руки и неожиданно спросила:

— Алик, кто вас стрижет?

— Своего мастера нет. Как получится...

Врач и ученый не особо следил за своей стрижкой — когда обрастал, то спонтанно забегал в какой-нибудь салон.

— Давайте я подстригу вас. Дома я стригла всех родных, у меня неплохо получается.

Договорились на пятницу.

Алик вновь оказался в квартире Зинят. Ольга посадила его в кресло напротив зеркала и начала порхать вокруг с ножницами. Алик любовался ее отражением и думал: какое это интимное занятие — стрижка! Доверять свою голову, лицо и шею можно только близкому человеку. Тем более, если человек этот вооружен острым орудием!

Как прекрасны эти легкие касания, которые по чуть-чуть снимают волосы на голове! Парикмахер придает образ твоему лицу, обрезает лишнее — и смотришься потом помолодевшим и свежим, новым человеком. А если этот парикмахер — еще и прекрасная девушка, в которую ты влюблен, это просто блаженство!

После стрижки, которой остались довольны и Алик, и Ольга, мужчина обнял девушку и поцеловал. Она ответила ему...

Так провели они чудесный вечер — вместо бдения в институте над молекулами Алик нежился в объятиях красавицы в квартире ее подруги.

Дома Алик почувствовал уколы совести. Целовать жену и дочек после Ольги было как-то неловко... Алик поклялся себе больше не пересекать с Ольгой черты телесной близости. Все же изменять жене, жить двойной жизнью — это не для него. Ему и так хватало проблем: научная карьера Алика пошла под откос.

В институте ситуация становилось все жестче. Работа уже не радовала. Алику меняли тему научной работы, он сопротивлялся. Рассказал знакомому журналисту, что есть другой путь лечения ковида, неосторожно покритиковал вакцину. Журналист увидел в этом сенсацию и опубликовал материал с заголовком: «Ученым закрывают рот».

На следующий день Алика вызвал заместитель директора и предложил ему написать заявление об увольнении «по собственному желанию». И Алик написал. А затем рассказал об этом шефу.

Арканов, по своему обыкновению, ни на чем не настаивал. Он ходил по кабинету и негромко говорил:

— Есть две крайние модели науки: офис и монастырь. Либо работа по заданию «от сих до сих», от звонка до звонка, как у наемного работника, либо служение истине, поиск, — и здесь нет начальства, перед лицом истины все равны. Так мы работали раньше. Сейчас насаждается офисное рабство. Директор думает, что деньги решают все, и, если ты не приносишь институту денег, ты — никто и звать тебя никак, несмотря на все прежние достижения. Прошлое все осталось за кадром, в кадре — только деньги. А чтобы их добыть, нужна редкая пронырливость. Директор — плоть от плоти нашего времени, где менеджмент побеждает науку, а завлабы превращаются в надсмотрщиков над подневольными работниками. Так можно и забыть, зачем мы здесь собрались. Ученые — это небожители! Мы счастливые люди — мы можем заниматься любимым делом! Я не хочу быть надсмотрщиком, не хочу приказывать подчиненным. Мне претит испытывать давление сверху и передавать его подчиненным. Я уже устал бороться с начальством. Пущусь в свободное плавание, буду читать лекции, писать статьи по философии биологии, о смысле жизни. В моем возрасте пора философски смотреть на жизнь...

— Какие ваши годы! В науке лет до ста можно работать, а вам только пятьдесят с хвостиком! У вас такие достижения! Вы же, по сути, классик науки!

Шеф махнул рукой:

— Кто старое помянет, тому глаз вон! Эти достижения — как бельмо в глазу нашей администрации, сделавшей свою карьеру благодаря услугам начальству. Знаете, что люди не прощают? Чужой ум! Поэтому о достижениях, которые нельзя быстро конвертировать в деньги, они предпочитают забыть. Слава Богу, в науке есть какая-то объектив-

ность — список публикаций говорит о человеке лучше всякого послужного списка. Поэтому нас знают и читают во всем мире...

Шеф задумался... И тут его глаза блеснули:

— Вы ведь родом из Дагестана?

— Да, из Дербента.

— У меня там знакомый главврач в частной клинике. Поезжайте к нему, покажите наши разработки. В принципе, он в курсе, я ему кое-что рассказал. Может быть, это даже пойдет вам на пользу: вы будете работать с пациентами, и каждый случай излечения ляжет в нашу копилку. В вашей диссертации ведь нет практического применения? Вот вы его и найдете там.

Глава 9 Наука и любовь

Отмотаем повествование чуть назад. Когда Зина вернулась из вояжа, она обнаружила Ольгу в расстроенных чувствах. Зина поспешила прояснить ситуацию привычным способом: скрылась в своем будуаре, разложила карты и увидела что-то неладное.

За ужином она спросила:

— Дорогая, что с тобой случилось?

— Мы расстались с Мурадом. Он уехал за границу.

— Это обычное дело! Молодому человеку надо мир посмотреть, себя показать... Ведь произошло еще что-то?

— Я почувствовала себя плохо, сходила в клинику, познакомилась там с врачом... Он выписал лекарства... а потом мне стало еще хуже, и я вызвала его на дом. Он вернул меня к жизни.

— Больше он ничего с тобой не делал?

— Нет. Он уехал сразу же, как увидел, что мне стало лучше.

— Ты впустила в дом незнакомца! Хорошо, что он оказался благородным человеком... Где ты его нашла? Что это за врач такой?

— В частной клинике. Он вел там прием.

— И пришел в мою квартиру контролировать, как ты принимаешь его назначения? Ты что-то не договариваешь...

— Да я от расстройства... горсть пиллюль проглотила.

— Так, значит, ты хотела меня отблагодарить за то, что я тебя приютила? Все уже, кажется, у меня было, но трупов дома я еще не находила. Ну ты даешь!

Зина стала ходить по квартире, размахивая руками, словно разговаривала с духами. Потом вернулась в гостиную.

— Какая ты все же дура! Решила с жизнью проститься из-за Мурада? Он что, тебе дал от ворот поворот? Я же тебе говорила, Мурад — человек безвольный, он зависит от деда, которому уже под восемьдесят. Дедок такой, что с его грехами долго не живут. Помяни мое слово — скоро ты будешь танцевать на своей свадьбе! А врача тоже не упускай, у девушки всегда должен быть запасной аэродром. Расскажи-ка о нем поподробней.

Услышав рассказ Ольги об Алике, Зина всплеснула руками:

— Какая рыбка попалась к нам в сети! Везет же дурехам! Я вот в твои годы не встречала такого человека: врач, ученый, перспективный, молодой... Держись за него руками и ногами!

— У него жена...

— Лучшие люди с молодых ногтей все женатики. Говоришь, у него две дочки? Вот родишь ему сына — и будет тебе счастье! Мужчины из-за наследников горы свернут! Потом, этот парень тебя спас. Это же дорогого стоит, он вообще может по жизни спасатель. Так он, если что, и меня спасет, — засмеялась Зина. — А что, я еще ничего!

Она подошла к зеркалу:

— Сорок лет — расцвет для женщины!

Ей было уже за сорок, но выглядела она — и тридцати не дашь.

Зина налила себе и Ольге коньяка, подняла тост:

— За любовь!

Подруги выпили. Зина продолжила:

— Ты вообще отдаешь себе отчет в том, какая привалила удача? Идет пандемия, никто толком ничего не знает, власти скрывают информацию — а у нас появился свой врач, и мы все будем знать из первых уст!

Так Алик, сам не зная того, получил горячую сторонницу в лице Зины.

И Ольга пошла у нее на поводу — и пала в объятия Алика. И даже влюбилась в него — разве можно не полюбить такого героя!

Но как же Мурад, спросите вы.

Мурад уехал, расстался он с Ольгой не лучшим образом. Что творилось в его душе, она не знала. Может, уже нашел себе какую-нибудь немочку.

Когда Алик сообщил Ольге, что собирается уезжать, та рассказала это Зине. Леди-коуч призадумалась.

— Тут что-то не то... Нельзя его так просто отпускать. Пригласи его к нам в гости. Скажи, что хозяйка хочет устроить «Вечер науки», это теперь модно. Хочется узнать простым людям, чем же занимаются ученые и чем нам вирусы грозят. Пусть расскажет. И лучше пусть не один приходит, а с коллегой... или шефом...

Зина была слышана от Ольги обо всех делах Алика в Институте, о его великом шефе тоже знала и давно хотела с ним познакомиться.

— Хорошо, передам приглашение.

Алик был не настолько широко образован, чтобы читать лекции о вирусах — даже в дружеской обстановке. Лекции любил читать его шеф, он этим зарабатывал: ездил по стране, выступал перед детьми и взрослыми в школах и библиотеках. Потому, когда Ольга попросила Алика рассказать о своей науке, он сразу вспомнил про шефа. Тот был легок на подъем и с радостью согласился пойти в гости.

Когда Алик увидел и услышал Зину, то удивился, насколько ее голос похож на голос Ольги. Вместе они выводили мелодичные трели, как две флейты. Шеф был тоже впечатлен, но больше квартирой хозяйки — скромному ученому прежде не доводилось бывать в таких шикарных апартаментах.

Лекция проходила в гостиной, где на стене висела огромная плазма, так что Арканов мог показывать на экране слайды. Тема — лечение ковида. Все помешались на антителах, проводили тесты, мерялись, у кого их больше...

Андрей Арканов рассказывал вещи, широкой публике неизвестные. Все привыкли думать, что антитела — это хорошо, и чем больше антител, тем лучше. Однако ученые обнаружили, что часто наблюдается обратная картина: чем больше у пациента антител, тем тяжелее течение болезни.

Арканов показывал картинки: вот антитела облепляют вирус по закону избирательного сродства, затаскивают его в иммунную клетку...

— А что это за закон такой? — задала вопрос Зина.

— Если между двумя сложными молекулами образуются сильные связи, которые не образуются у них с другими, то говорят об избирательном сродстве. Так вот, если сила связи вируса и антител все же недостаточна, тогда в иммунной клетке, уже внутри, вирус освобождается и заражает клетку. Потом такие клетки разносят вирус по всему организму. Антитело может играть роль Троянского коня и приводить к заражению не только одной клетки, но и всех тканей — подобно тому как воины Одиссея захватили Троию, так вирусы захватывают весь организм...

— Эти слабые антитела — как падшие ангелы, — догадалась Ольга, вспомнив Врубеля в Третьяковке.

Но больше всего женщин поразила история про зеркальные антитела.

— Как известно, в ответ на чужеродные микробы организм вырабатывает антитела. Но эти антитела оказываются, в свою очередь, тоже не-

знакомы организму, и иммунная система вырабатывает антитела уже на них. Это — анти-антитела!

— А могут и на эти анти-антитела вырабатываться антитела? — спросила догадливая Ольга.

— Верно. Так образуются сети анти-антител — как в комнате, сплошь уставленной зеркалами, в которых видны бесконечно уходящие вдаль отражения.

Зина встрепенулась:

— Да, у нас есть такая комната — я в ней гадаю!

Тут пришло время удивиться гостям. Хозяйка привела их в будуар, уставленный зеркалами. Здесь же хранила она и свою коллекцию перстней. Шеф, обычно строгий, не сказать — суровый и чопорный, на время забылся, и даже позволил себе присесть на большую кровать хозяйки, где она разложила перстни. Как венец коллекции, она показала гостям перстень с головой тигра. И даже позволила примерить его Арканову!

Глядя на руку с перстнем, шеф вдруг начал декламировать:

Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Устрашительная стать,
Кто посмел тебя создать?

В преисподней иль в эдеме
Некто в царской диадеме
Огонь в очах твоих зажег?
Как он вытерпел ожог?

Кто качнул рукою властной
Сердца маятник ужасный
И, услышав грозный стук,
Не убрал смятенных рук?

Кто хребет крепил и прочил?
В кузне кто тебя ворочал?
В чьих клещах твой мозг пылал?
Чьею злобой закипал?

При звуках этого стихотворения неожиданно активизировался кот Тайгер. Он был сам похож на маленького тигра, и будто почувствовал, что речь идет о его родне — стал тереться о колени шефа, а в конце декламации даже запрыгнул к нему на колени. Арканов погладил его и пояснил:

- «Tiger, tiger...» Вильяма Блейка в переводе Виктора Топорова.
Кот убедился, что речь идет о нем, и выразительно зарокотал.
Зинят спросила:
— А дальше что?
— Забыл. Что-то про агнца и жертву...
— И я забыла. Но мне больше нравится другой перевод:

Тигр, горящий в кущах ночи,
Чьи тебя прозрели очи?
Кто явил на свет черты
Этой страшной красоты?

В бездне или среди небес —
Плоти где свершен замес?
Где рождался грозный рев?
Где таился мрак зрачков?

Кто огонь в тебя вложил?
Кто сплетал канаты жил?
Слышал сердца мощный гул?
Плоть твою ломал и гнул?

Кто твой мозг надменный плавил?
Кто восстать тебя заставил?
Кто, неведомый уму,
Отпустил тебя во тьму?

Алик с Ольгой переглянулись. Арканов же был просто поражен: это стихотворение Блейка — пароль, по которому истинные любители поэзии узнают «своих». Он бормотал себе под нос: «Тигр, горящий в кущах ночи, чьи тебя прозрели очи? Кто явил на свет черты этой страшной красоты?.. А ведь это не хуже Топорова!»

— Это перевод Татьяны Стамовой, — сказала Зина.

Ужинали на кухне, по размеру превосходившей гостиную. Лагман, долма и другие блюда кавказской кухни были хорошо известны Алику, а шефу его — не очень, так что дамы смогли поразить лектора чудесами кулинарии не менее, чем он поразил их умы чудесами науки.

За кофе по-восточному Арканов вернулся к теме перстня.

— Тигр играет на Востоке ту же символическую роль, что и лев на Западе: это знак царской власти и справедливости.

Алик заметил:

— Мы говорили об ангелах Запада и Востока, а это скорее демоны...

Зина ответила с улыбкой:

— Но там, где они пересекаются, лев уступает дорогу тигру...

— Вообще, Блейк в стихотворении намечает одну важную мысль про агнца, но не договаривает, — заметил шеф.

— Какую мысль?

— Высший разум создал тигра как хищника — и ягненка как жертву! Хорошо ли это?

Зина задумалась.

— Так устроен мир, — наконец, отозвалась она.

— Позвольте с Вами не согласиться. Так устроена только часть мира, та биологическая или материальная часть, которую мы видим вокруг. В мире есть часть идеальная, где это не так. Ангелы не едят друг друга и не конкурируют за пищу.

— Как бы хотелось жить в таком идеальном мире...

— А Вы попробуйте!

Зина посмотрела на шефа долгим взглядом, и он ответил ей улыбкой.

Расставались все довольные друг другом. Зина и шеф обменялись контактами и договорились встречаться регулярно, обсуждать новости науки.

— Да они настоящие ученые, — сказала Зина Ольге. — Держи Алика, не упускай! А я займусь старшеньким.

— Алик же собирается уезжать!

— Как уедет, так и приедет. От нас никуда не денется. Или ты приедешь к нему. Как в песне поется: «Там, в краю далеком, буду тебе женой!»

Глава 10 Чудеса врачевания

Когда Алик ехал на такси из аэропорта Махачкалы и смотрел по сторонам, то всякий раз поражался красоте долин и гор и думал: что может сравниться с красотой родины? И почему я живу в Москве? Что я делаю в городе, который высасывает все силы? Да, я учился там в лучшем вузе страны, работал в научном институте, штурмовал науку, но теперь-то что меня там держит? Жена и дети поедут со мной на край света, а Ольга и сама отсюда родом...

Может быть, потому на руке у Ольги — надпись: «иди» или даже «беги»? Это было указание ему, Александру Гусеву, бежать из Москвы.

Алик клялся себе, что вернется на родину, и с горечью вспоминал, что эти клятвы он давал себе всякий раз, как приезжал сюда. Но, может, теперь удастся воплотить мечты в реальность?

С коронавирусом в Дагестане дела шли плохо: южане болели тяжелее, чем северяне. Медицинский центр «Авиценна», куда ехал Алик, в обычное время предоставлял широкий спектр услуг. Здесь развивали то, что на Западе называют персональной медициной — с учетом традиций восточной медицины, конечно. Сейчас центр специализировался на борьбе с ковидом. Алик поразились оснащенности центра: самые мощные томографы, современное оборудование, а главное — врачи. Он встретил здесь сведущих людей, которые оказались в курсе его разработок и приняли Алика с распростертыми объятиями.

Разговор с главврачом произвел на Алика хорошее впечатление.

— Мы стараемся собрать в Центре все новые разработки, не чураемся ни простых и экономичных лекарств, ни самых дорогих — с антителами. Знаем о ваших работах, следим за работами вашего шефа и видим в них перспективу: для нас это один из новых методов лечения. Здесь нам не нужны согласования с Минздравом и прочая чиновничья канитель. Ставьте дело на поток — и выбирайте больных для себя, нам важен результат. Средства есть, заказывайте все, что нужно. Помощников вам дам, сколько надо. Как только получим первые результаты, оформляем вас заведующим отделением трансфузиологии.

Алик сразу включился в дело: прочитал пару лекций, поставил свои колонки, заказал реактивы, выбрал себе в помощники пару смышленных студентов-волонтеров и стал с ними налаживать свои методики. Параллельно он знакомился с врачами и медперсоналом в клинике и слушал курсы по трансфузиологии.

И тут в Центр привезли «тяжелого» старика, у которого по ПЦР-тестам ковид не выявлялся, но течение болезни казалось похожим. Его отдали Алику, чтобы тот показал на нем действенность своих методик.

Глава 11

Роковое свидание

Ольга никому не сообщала о прилете в Махачкалу. Она позвонила Алику и с трудом договорилась с ним о встрече в отеле на краю города. Алик оказался холоден и немногословен, он пришел в маске и ей тоже велел надеть маску. Сказал, что сейчас очень занят — работает с больными в «красной зоне», и в ближайший месяц даже не сможет с ней встретиться.

— Дорогая, ты недооцениваешь опасность. Я понимаю, все привыкли к коvidу, людям надоело прятаться. Но может начаться не только новая волна, но и новая болезнь. Мы обнаружили у одного пациента

страшный вирус, смертность от которого — не два-три процента, а все двадцать-тридцать. Этот вирус удалось локализовать десять лет назад на Аравийском полуострове, но, если он выскользнет из-под контроля, мало не покажется.

— Когда это уже все закончится? Сколько мы можем страдать, сколько народу должно помереть, чтобы от нас отстал этот проклятый вирус?

— Идет эволюция вируса: он подстраивается под нас, штаммы соревнуются. Вирусу вовсе не выгодно убивать хозяина — лучше жить потихоньку в нас, как живут ОРЗ. Однако он еще может наделать кучу бед.

Алик явно торопился, Ольга так нежно глядела на него, так бережно взяла его руку в свою, как в первую встречу, что он не выдержал, забыл свои клятвы в верности жене. Маску пришлось снять: не целоваться же в ней!

После стремительной любовной сцены Алик быстро ушел, в душе проклиная себя за слабость.

Ольга приняла душ. Она сидела голая в жарко натопленном номере гостиницы и плакала, как дура. Любил ли Алик ее вообще? Теперь она по-новому смотрела на все происшедшее. Алик просто обольстил ее, очаровал красивыми словами, и теперь она ему не нужна... Мурад не говорил таких слов, он любил ее всем сердцем, и красота заключалась не в словах его, а в делах.

Ольга достала из портмоне колечко, что подарил ей Мурад, и надела на палец. Где Мурад, что с ним? Зачем вообще она прилетела сюда, зачем послушалась Зину? Ведь это некрасиво, что ни говори — преследовать мужчину. Даже если их связь будет длиться долго, и у них появится ребенок, как потом с этим жить? Алик не откажется от ребенка, но и не будет разводиться с женой. Он Ольге ничего подобного не обещал. Придется воспитывать сына одной. Ольга была уверена, что от Алика родится сын...

А может, и впрямь забеременеть от него и родить сына? Ее тянуло заплакать, и, назло этому, Ольга запела и начала танцевать перед зеркалом... А после вызвала горничную и попросила сменить простыни.

Почему мужчины уходят от нее, каждый на свою войну? Она вспомнила свою первую любовь — Мурада. Как она влюбилась без памяти, как ушла из института, как приняла дурацкие таблетки...

Когда горничная ушла, Ольга присела на кровать и безутешно зарыдала, не в силах сдержать чувств.

И тут в дверь постучали. Наверное, горничная вернулась. Она открыла дверь...

На пороге стоял Мурад с огромным букетом цветов. Как он нашел ее? Впрочем, это уже не важно: в Дербенте все стены прозрачны для влюбленных, и нет им преград.

Ноги Ольги подкосились, она чуть не рухнула на пол, но Мурад успел подхватить ее. Дальше она уже ничего не помнила — ни его страстных речей, ни того, как он снял с нее халат, покрывая поцелуями...

Глава 12

Мерзкий MERS, важный пациент и голова тигра

За пару дней до описываемых событий Алика вызвали к генеральному директору комплекса «Авиценна», господину Ильясову. Директор усадил жестом Алика в кресло и начал ходить по кабинету, бросая острые взгляды на врача.

— Уважаемый Александр Гусейнович! Сегодня к нам привезут Тимура Зейналовича Алиева. Ему уже под восемьдесят. У него высокая температура. Что это, мы пока не знаем. Тимур Зейналович недавно вернулся из Египта и чем-то там заразился. Наши семьи связаны много лет, и мне дорог этот человек. Передаю его вам, так сказать, лично в руки. Палату мы уже оснастили всем необходимым. Вход в отделение изолирован, есть необходимые зоны карантина. Подготовьтесь к его поступлению. У вас не более сорока минут. Придется вам временно перейти жить в отделение.

Алик чуть не подскочил в кресле от неожиданности. Вот это поворот! Это тебе не научный институт — тут тебя быстро построят... Что же, теперь и в город не выйдешь?

— Сообщайте мне о его состоянии каждый день, утром и вечером. Я надеюсь, вы сумеете найти причину и выявить возбудителя болезни. Сегодня свяжусь со специалистами, попрошу оказать вам помощь. А там посмотрим и решим, что делать с ним дальше. Поднять его на ноги — дело чести нашего центра.

Ильясов передал Гусеву небольшую папку с бумагами.

— Здесь история болезни. Все, что удалось собрать на сегодня. Вечером я вам позвоню.

Алик пошел знакомиться с пациентом. Выглядел старик плохо, тяжело дышал. Алик попросил его вспомнить последние две-три недели жизни. Тот рассказал о том, что в Египет поехал на оздоровительный курс народной медицины. Питался молоком верблюдицы, пил мочу...

Гусев спросил о препаратах, которые постоянно принимает Тимур. Оказалось, что он диабетик. У старика взяли на анализ кровь и мокроту и отправили лабораторию.

В блок интенсивной терапии вошел анестезиолог. Больному дали снотворное. Алик пошел к себе в кабинет. Он размышлял, глядя на чи-

стый лист бумаги, пока Тимур погружался в фармакологический сон. Старика не подключили пока к аппарату ИВЛ, но это неминуемо, если Алик не найдет решения.

Первая зацепка — верблюд. Что может переносить это чудесное животное, чем может заразить человека? Многим. Но это заражение похоже на ковид. Значит, искать нужно похожий вирус. Таким вирусом является MERS. Полное название его по-русски — «вирус ближневосточного респираторного синдрома».

Когда старик вернулся из Египта? Две недели назад. А что мы знаем о вирусе? Его инкубационный период составляет в среднем пять-семь дней. То есть, старик должен был уже заболеть, как только вернулся. Но он не болел. Жалобы начались вчера, следовательно, он заразился неделю назад, не позже. Не получается. Тогда, быть может, Египет ни при чем? Старик вакцинирован, более того, он получил и бустерную вакцину в Египте.

Алик, нарисовав на листке круг, написал в нем: «Египет».

Допустим, что это тот самый вирус ближневосточного респираторного синдрома. Он написал: «MERS». Этот вирус садится на белок, который служит входом в клетку... Как он называется? Алик сосредоточился, глядя на колпачок ручки. Вспомнился курс биохимии с кучей непонятных терминов и студенческие шутки: «Петидил, пептидил — как на свете много рыл, пептидаза, пептидаза — вот и слопана зараза!» Тьфу, ерунда какая! Но шутка помогла сбросить напряжение...

Он вспомнил, как называется белок-рецептор: DPP4 — ди-пептидил-пептидаза. А как она выглядит? Он задал поиск и нашел картинку.

Алик внимательно разглядывал изображение. Это же голова тигра! Но только что начался год Тигра — может, потому Алику мерещится тигровая морда? Тигр проглатывает вирус MERS, как яд... А чем вообще питается тигр?

Алик быстро нашел в поисковике статьи на эту тему. Тигр-рецептор может связывать лекарство против сахарного диабета! А Тимур принимал такое лекарство. Значит, тигр был сыт — в крови находилось вдоволь пищи для него, и потому он не глотал яд!

Алик почувствовал себя на пороге открытия:

— Вот почему растянут период заражения! Все поры, входы в клетки были забиты лекарствами!

Набросав на листке план, Гусев позвонил Ильясову.

— Я знаю, чем заражен больной. Это MERS, редкое вирусное заболевание. Его тоже вызывает коронавирус, но другого вида. На территории нашей страны эта болезнь встречается впервые.

— Сейчас я спущусь к вам.

Ильясов находился за стеклом в зеленой зоне, слушал Алика внимательно. Алик не стал ему показывать морду тигра и сообщать, как он пришел к своему выводу. Рассказал про вирус ближневосточного респираторного синдрома MERS. Это очень опасный вирус, он навел страху на Ближний Восток.

— Ваши коллеги уже делали такое предположение, но их сбил с толку инкубационный период, — сказал шеф. — Поступим так. Вы пока займитесь больным. На основе ваших выводов подготовьте курс терапии. Мне нужны не только идеи, но и конкретные предложения. А я соберу консилиум в форме видеоконференции. Там вы и представите коллегам свои доводы. Вы взяли биоматериалы для анализа?

— Да, — ответил Гусев, — нам удалось получить мокроту из легких. Предлагаю ее тоже отправить на вирусологическое обследование. Я знаю лаборатории, где можно это сделать.

— Хорошо. Свяжитесь по телефону со старшей медсестрой, она примет необходимые меры. И будем ждать результатов.

Видеоконференцию открыли через три часа. Связь была ненадежна, так что изображение пришлось отключить. Черные экраны показывали только имена и регалии: доктор наук, академик... Куда Алику до них! Ильясов, поздоровавшись и поблагодарив участников, которые, несмотря на поздний час, согласились помочь в беде, попросил прощения, что не представляет их друг другу и не показывает лиц.

— Уважаемые коллеги, господин Гусев, врач нашего центра, уверен в том, что возбудителем болезни является ближневосточный собрат ковида, известный по аббревиатуре MERS. Пожалуйста, Александр Гусейнович.

— Добрый вечер! Свои выводы я сделал, исходя из данных, полученных от больного. Он недавно побывал в Египте, где мог через контакт с животными заразиться инфекцией, схожей с ковидом. Кандидатом является MERS. Однако бросается в глаза нестыковка времен. Должна быть причина, по которой время начала заражения так увеличилось. Пациент страдает сахарным диабетом и принимает препарат, который ингибирует белок-рецептор DPP4, что служит входом вируса в клетку. Этот препарат мог продлить инкубационный период вируса.

Ильясов перебил его.

— Поясните. Я, откровенно говоря, не понял, как связаны препарат и вирус.

Гусев кивнул и продолжил:

— Дело в том, что этот препарат «забивает» активный центр белка-фермента, который при этом является одновременно и входом в клетку для вируса MERS. Во время пребывания Алиева в Египте вирус уже оказался у него в крови, но заражения не происходило.

— Не факт, — вдруг вмешался кто-то из участников, — что препарат может изменить инкубационный период. Это гипотезы. Я не понимаю....

— Прошу прощения, — перебил Ильясов, которому передали какие-то бумаги, — мы отправили мокроту больного на исследование. Как мне только что сообщили, Александр Гусейнович оказался прав. У Алиева MERS — вирус ближневосточного респираторного синдрома. Поздравляю, Александр Гусейнович. Пожалуйста, продолжайте.

Алик продолжил:

— Предлагаю к рассмотрению несколько этапов терапии. Она будет включать себя как классические методики, так и наши новые разработки: использование колонок...

План лечения был поддержан.

Когда конференция закончилась, и Алик вернулся в кабинет, он не смог сдержать восторга — вскинул обе руки кверху, крикнув:

— Да!

Алик позвонил в Москву, посоветовался с Аркановым, и тот подсказал, что причиной тяжелого течения болезни может быть антитело-зависимое усиление инфекции, характерное для MERS. Так и оказалось: у старика было слишком много «неправильных» антител, которые не помогли излечению болезни, а затрудняли его.

Алик нашел на них управу: сделал антитела к ним, «пришил» к колонке, почистил кровь и вернул старика чуть ли не с того света. Тимура перевели из палаты интенсивной терапии в простую.

Глава 13 **Все при своих**

Алика все поздравляли. Весть о том, что в добавку к ковиду в Дербенте появился MERS, распространилась по городу. Это ведь первый официально зарегистрированный случай в России! В колонки Алика серьезные люди уже готовы были вкладывать большие деньги...

Раздался звонок из Москвы: весть об успехах Алика достигла ушей директора института, где он раньше работал. Директор прослышал про деньги инвесторов, и Алик сразу стал ему нужен. Не поленился сам позвонить, чтобы напомнить, что колонки были разработаны в его институте!

Директор предложил Алику оформить патент, который должен принадлежать институту. Алик теперь мог не только восстановиться в должности, но и пойти на повышение, продолжая работать над диссертацией.

Ольга прилетела в Махачкалу в разгар борьбы Алика за жизнь старика. Когда на кону человеческая жизнь и карьера, тут уже не до любовных страстей. К тому же Алика покорило, что Ольга нарядилась, чего раньше за ней не замечалось, и надела короткую юбку. Такая Оля уже не напоминала ему первую любовь, Элю, и в Дербенте их связь показалась ему совсем лишней.

А что же Ольга? Она нашла счастье в объятиях Мурада.

Да, Мурад не походил на Алика. Замкнутый, закрытый, он был для Ольги «вещью в себе». Мураду, в отличие от Алика, не нужны были завоевания — его творчество зависело только от него самого и от его душевного благополучия. Ольга теперь понимала его, и окружила вниманием и заботой, постаравшись стать частью его творческого мира. Жертвовать своими интересами для любимого, предугадывать его желания стало для нее смыслом жизни. Она стремилась к тому, чтобы Мурад жил в атмосфере любви и радости, и испытывала наслаждение, видя, как ему хорошо с ней. Надо ли говорить, что Мурад расцвел?

Врач помог излечиться — врач больше не нужен. Кстати, таинственные письма полностью исчезли с ее руки.

Дедушка Тимур был еще очень слаб, он только что выскользнул из лап смерти, и когда Мурад настойчиво попросил его благословить брак с Ольгой, у него не оказалось моральных и физических сил противодействовать выбору внука, что-то запрещать единственному наследнику. Он дал согласие на свадьбу. Впрочем, Мурад привез из Германии достаточные средства, чтобы жить самостоятельно и не зависеть от деда.

Оставшееся до свадьбы время Мурад и Ольга счастливо проводили в самоизоляции, в доме Тимура. Через две недели Мурад с радостью узнал, что станет отцом.

Глава 14

История перстня

Ранее, когда Ольга уже стала терять надежду на замужество с Мурадом, Зина сказала:

— Не волнуйся, этот парень у нас в руках.

И она показала Ольге перстень и рассказала его историю.

Это было в девяностые. Я доучивалась в школе. В те дикие времена на девушек в Дагестане нападали на улицах, затаскивали в машины. Приходилось учиться обороняться. Я ходила в спортклуб на занятия по карате. Тогда в душе моей зародилась жажда самостоятельности и

справедливости. Я видела, что родители мои при новых порядках беспомощны, и хотела защитить их и себя.

Поступила на юридический факультет университета, но после первого курса ушла в академку: разочаровалась в обучении. Впрочем, не только я: в середине девяностых все считали, что главное — деньги. В голове моей зародились бизнес-планы. Однако для их реализации нужны были деньги. Я согласилась на каникулах подработать помощницей по хозяйству в одной небедной семье, у которой был дом под Дербентом. Взяли меня туда по рекомендации — ты знаешь, у нас все делают по знакомству. В семье верховодил дедок, боевой по женской части. Для меня он был стариком, а так — вполне крепенький мужик лет шестидесяти. У него оказались две жены, и там же обретался пятилетний внук, оставшийся без родителей. Мальчика было ужасно жалко. Его мать — дочка деда и старшей жены — погибла в автокатастрофе. Поработала я там месяц, увидела быт семьи изнутри. Многие мне не понравились: дед противный, с дикарскими замашками, всех унижал. Варвар на троне. Однако в чужой монастырь со своим уставом не суйся. Я терпела, как могла, все его выкрутасы, решив, что больше месяца не выдержу. Зато подружилась с внуком — он скучал, не с кем было поиграть.

Когда настало время получить зарплату и уходить, и произошла эта история. У деда был необычный перстень с головой тигра, который, по его рассказам, передавался в их роду чуть не от Соломона. Хотя, может, дедок и врал. И вот этот перстень пропал. Старикашка обвинил в пропаже меня, разорался, что запрет в сарае и не выпустит, пока не найдет перстень. Пользуясь поводом, налетел на меня, как петух на курицу, прижал в сарае... Да не на ту напал! Я применила предупредительный прием, скрутила слегка — он аж заорал от неожиданности и боли. На крики прибежал внук и принес перстень: оказывается, это он взял его без спроса!

Я сказала деду на ухо, что его действия квалифицируются как покушение на изнасилование, и если я захочу, то напишу заявление, а когда дело дойдет до суда, ему мало не покажется, ведь я знаю лучших юристов Дагестана!

Перстень этот я забрала в качестве компенсации за моральный ущерб и покинула дом старика. Я заложила перстень в ломбард — дали за него много; потом я его еще не раз перезакладывала. Полученные деньги позволили мне открыть свое первое дело. Встав на ноги, я первым делом выкупила перстень.

Дед тем временем распространил обо мне сплетню, пошел слух... Мне пришлось уехать из Дербента. Там тогда безумие творилось: неистовствовали «братья-мусульмане», шла клановая война.

Однажды тому деду принесли маленький — меньше спичечного коробка — сверток, что завалился у него под ковриком в старой «Волге». Сверток нашли после продажи автомобиля, и новый хозяин принес бывшему владельцу. Там оказались веточка айвы и немного земли. Знающие люди сказали, что это кладбищенская земля, и что ему сделали джяды, то есть навели порчу. С тех пор он стал религиозен и боязлив. А внук его, Мурад, помешался на перстнях и, когда вырос, стал их делать сам. Когда я узнала об этом, то нашла Мурада в Москве и стала поддерживать, покупать перстни — они у него и вправду чудесные получаются. А главный перстень-то — вот он, у меня...

Зина протянула Ольге перстень. Та осторожно взяла его и стала разглядывать. Голова тигра смотрела на нее из глубины веков...

С этой удивительной вещицы, сделанной древним мастером, началось увлечение искусством ее возлюбленного. А значит, и вся история ее любви пошла от этого перстня. Не будь перстня, не было бы ни работ Мурада, ни выставки, где они познакомились, ни всего остального...

Глава 15

Чудеса, да и только...

Молодые сыграли свадьбу по всем канонам — она прозвучала на весь Дербент и растянулась на неделю! Вначале отмечали событие в доме невесты, в селе под Дербентом, где угощали всех родных, потом — в доме жениха. Влюбленные кружились в танце, а все гости одаривали их деньгами. Ольга научилась танцевать лезгинку, как полагается, а Мурад, с широко раскинутыми руками и распрямленными плечами, выглядел настоящим орлом! Лезгинка существует веками и несет в себе смыслы, понятные любому человеку: как парящий орел, кружится юноша вокруг девушки — и она показывает ему себя в движениях, в которых виден ее характер. Как можно брать в жены девушку, не перетанцевав с ней ни разу?

Через полгода Ольге пришлось лечь на сохранение, а месяц спустя у нее родился сын.

Тимуру сразу бросилось в глаза, что правнук не похож ни на кого в их роду. Он начал брюзжать, высказывать подозрения. Тогда Ольга связалась с Зиной, и та по скайпу согласилась проконсультировать деда, выдав себя за ученую даму.

— Все очень просто: заиграл генетический материал матери! Представьте, что гены — это колода карт, которая каждый тасуется по-

новому. Идет выдача генов ребенку. Так ваш мальчик мог стать, например, похожим на дедушку по материнской линии.

Зина нарочно крутила на пальце перстень, и Тимур его заметил. Близоруко сощурившись (хотя на самом деле у старика было превосходное зрение), он проговорил:

— Как приятно видеть красивую и умную женщину! Можно задать вам вопрос? Что это за чудесное украшение? Я не могу разглядеть его на вашем пальце.

Зина сняла перстень и поднесла к камере, чтобы старик мог его лучше рассмотреть.

— Это подарок одного из моих пациентов.

Тимур, наконец, разглядел перстень — его венчала морда тигра! Это был его перстень!

У старика словно что-то щелкнуло в голове. Тут тигр открыл пасть и произнес грубым мужским голосом:

— Отстань от Ольги, а то получишь — мало не покажется! Московские адвокаты тебя заруют, ты потеряешь остатки репутации на старости лет, не говоря уже о деньгах! Это ты, старый павлин, виноват в том, что Ольга на полгода лишилась Мурада. Кто запретил ему жениться на ней? Счастье, что она осталась живой после этого! Будь благодарен ей, что она вернулась к Мураду и подарила тебе правнука! Молись за врача, спасшего тебя, старого дурака!

Сказав эти слова, тигр закрыл пасть. Но напоследок он показал Тимуру язык!

Деда охватил жар. Он упал на кровать в гостиной.

— Лилит... Это Лилит! — шептал он.

Воспоминания двадцатилетней давности всплыли в его сознании. Удар ниже пояса, силовой прием, позор — и потеря перстня.

Но как перстень мог заговорить? Впрочем, если им завладела Лилит, то ничего странного в этом нет. Старик от ужаса впал в беспамятство...

Ольга обнаружила его на диване без сознания и вызвала «Скорую». Врачи диагностировали гипертонической криз. Неделью старик не вставал с постели, но потом, казалось, пришел в себя, и еще какое-то время бодрился. Свою беседу с говорящим перстнем он отнес к разряду галлюцинаций и постарался выкинуть из памяти, однако к Ольге уже не приставал, младенца тискал и целовал.

Глава 16

Лестница в небль

В московском аэропорту Алик сдал экспресс-тест и убедился, что здоров. Домой он приехал с легкой душой, обнял своих девчонок и почувствовал, что жена его любит так же, как раньше, если не больше.

Наталья переводится с латинского как «родная». Алик совершал открытия и другие великие дела — и был полностью уверен в прочности своего «тыла». Наташа держала на себе весь дом, воспитывала дочек, да еще и работала врачом-педиатром. Когда ей позвонила Лола и сказала, что Алик покровительствует одной юной особе, Наташа не задумалась о возможной измене — она просто не пустила эти мысли в свой мир. Может быть, потому вся история так легко закончилась для Алика и его семьи...

Алик стал любить свою жену еще сильнее.

Так не бывает, скажете вы.

Бывает еще и не так!

Директор института принял Алика чуть ли не как родного, пригласил пообедать в ресторан. Там он изложил план, который устроил Алика почти по всем пунктам.

Голос директора ассоциировался для Алика с боевым барабаном. И если раньше этот барабан звучал как сигнал тревоги — «на нас идет враг», то теперь он звучал как сигнал бодрости духа — «мы одержали победу, нас ждет триумф!»

Вот что предложил «барабан»: 1) институт оформляет на колонки патент, в котором Алик имеет свой процент и, в случае продажи патента, не остается внакладе; 2) Алика восстанавливают в институте, повышают в должности и всячески содействуют защите его диссертации, он же может работать пока на удаленке.

— Меня упрекают, что я ставлю деньги во главу угла, — разоткровенничался директор под горячее — а ты посмотри, какое время! Как можно работать без денег? Да у нас только на обогрев здания миллионы уходят! Если все будут, как твой шеф, думать только о чистой науке, отберут у нас здание — и будем сосать лапу! Вот сейчас с твоими колонками как-то попробуем выкрутиться...

— Колонки с антителами как раз мой шеф и предложил...

— Подумаешь, предложил! А ты их до ума довел, внедрил, получил результат! Предложить всякий может. Идеи в воздухе витают. Знаешь, сколько ко мне предложений таких поступает? Идея — десятая часть дела, а вот довести идею до ума — это дело и есть! И вообще, ведь он,

если мне не изменяет память, предложил пришивать простые антители, а ты из них отбирал абзимы? Так можно сказать, что ты блоху подковал! Антитело — это такая блоха, абзим — ее производное!

Директор откинулся в кресле и захохотал над своей шуткой. Алик впервые видел директора в таком прекрасном расположении духа. Оказывается, он может не только орать и топтать ногами на подчиненных, но и шутить. Видно, когда речь идет о больших деньгах, мобилизует все свое обаяние и становится симпатичным человеком.

Алик не стал спорить с директором, а решил посоветоваться с шефом. Хотя директор и сказал, что его шеф не претендует на патент и на процент от договора...

Шеф встретил Алика с распростертыми объятиями. Он уже не был заведующим лабораторией — стал простым научным сотрудником, чему, по его словам, был рад.

— Как так, — удивился Алик, — вы же сами придумали метод, который я развил, и по праву должны возглавить направление в его использовании! Я поговорю еще с директором...

— Дорогой, не надо никаких разговоров! Он знает мою позицию. Придумать — это одно, а воплотить — другое. Я взял вас тогда в аспирантуру на эту тему, потому что поверил в вас. И оказался прав!

— Самое время развить успех. Вам надо опять становиться завлабом, набирать сотрудников и двигаться дальше!

— Быть заведующим в нынешней ситуации — это отвечать за работу других людей, постоянно добывать деньги и крутиться, как белка в колесе. Я уже немолод, и хочу отвечать только за себя. Всю жизнь в науке меня интересовали идеи и догадки, как устроена природа и как мы можем улучшить жизнь людей, обладая этим знанием. Я получал от государства жалование, поскольку придумывал что-то новое, что воплощали другие...

— Но благодаря патенту вы сможете зарабатывать, не особо напрягаясь!

— Патенты и бизнес — это дорога в сторону офиса. Помните, я вам говорил про две модели жизни в науке — монастырь и офис? Так вот, я не хочу переходить в офис, хочу остаться в монастыре. Великий Рентген отказался от оформления патента: счел, что его изобретения принадлежат всему миру, и ему неловко получать за них деньги.

— А я считаю, что не стоит отдавать другим свои изобретения: кто придумал идею, тот должен заработать на ней!

— Есть мир выгоды — и мир идей. Я хочу жить в последнем. Вы — врач в первую очередь, а потом уже ученый. Сам Бог велел вам спасать людей и получать за это деньги. Мне же моей зарплатой вполне хватает

на жизнь, и я не хочу испытывать давление, не хочу терять любознательность и интерес к тайнам природы. А деньги и все связанные с ними хлопоты мне будут только мешать. Пусть фундаментальная наука имеет в моем лице верного послушника. Кстати, у меня тут есть новые идеи — можем обсудить.

— Я всегда «за»!

— Вот что я подумал: а что, если вирусы смогут рекомбинировать? В случае ковида и ближневосточного респираторного синдрома это может быть очень опасно...

— Но рекомбинировать могут только родственные вирусы?

— Разве вы не знаете, что SARS и MERS принадлежат одному семейству — бета-коронавирусов?

— Я не силен в вирусологии, но мне кажется, что такие события крайне редки.

— Да, но если человек заразится MERS и выживет, то в его организме может остаться какое-то количество вируса, и при заражении SARS его тело превратится в сосуд, где вирусы будут рекомбинировать. В случае удачного для вируса сочетания он начнет заражать других.

Шеф взял листок и нарисовал Алику схему возможной рекомбинации вирусов.

— Таким образом каждый, кто выжил после заражения MERSом, должен особенно беречься от ковида?

— Да, за этим надо следить.

Алик подумал о старике, которого он спас. И величии своего шефа, который рассчитывает на несколько шагов вперед. Что-то еще ему казалось необычным в облике шефа. Он выглядел опрятней, чем обычно, и от него даже пахло иначе. С чего этот закоренелый холостяк стал душиться дорогими духами?.. Аромат о чем-то напоминал... О будуаре Зины! Значит ли это, что шефа можно поздравить?

Прямо спросить было неловко, но, когда Алик бросил взгляд на руку шефа, ему все стало ясно: перстень с тигром из коллекции Зины сверкал на его пальце.

Глава 17

Два директора и деньги

Директор института показал Алику кабинет (или модуль, как говорят ученые), который готовы были выделить Алику в институте, пообещал сделать ремонт и купить оборудование; пока там были только стол и стул. Когда директор удалился, Алик сел на стул и стал, по обыкнове-

нию, смотреть в свой «волшебный колпачок», который не раз помогал ему сосредоточиться и принять верное решение.

Колпачок — от слова колпак, подумал он. Может быть, директор хочет его околпачить и использовать, как он использовал своих сотрудников, выжимая из них все? Может быть, стоит держаться от него подальше, как делает Арканов?

Конечно, у Алика — совсем другая история. Директор никогда не унижал его ни лично, ни публично — он был слишком мелкой сошкой. Между ними не было застарелой неприязни, так что ничего не мешало Алику заключить союз, может, даже временный, с директором — в интересах дела!

Однако интуиция подсказывала ему, что, отдав свою методику в чужие руки, он может оказаться в зависимости. Работа в Дербенте его устраивала, и гендиректору клиники он доверял сейчас больше, чем директору института. «От добра добра не ищут», гласит русская поговорка. С другой стороны, отказаться от лестного предложения в Москве тоже глупо.

И Алик решил «подвесить» вопрос. Он позвонил в Дербент, рассказал о предложении из Москвы и заручился поддержкой гендиректора клиники в своем решении.

Затем, зайдя в кабинет директора института, сказал:

— Я пока не готов ответить на ваше предложение. Я проводил опыты на оборудовании клиники в Дербенте, и здесь налицо конфликт интересов. Клиника платила за реактивы, и абзимы получены там, так что этот вопрос надо согласовать с гендиректором клиники. В патенте должны фигурировать обе организации.

Директор понял, что Алик — малый не промах.

— Хорошо, мы можем обсудить этот вопрос с вашим начальством.

Забегая вперед, скажем, что после нескольких раундов переговоров начальство института и клиники достигло соглашения. Они даже открыли со временем совместное предприятие, на которое первым делом попросили деньги у государства. Когда смертность в Дагестане стала падать, на это обратило внимание высокое начальство из Москвы. Тут уже директор института подсуетился — встретился с главой Роспотребнадзора, рассказал о колонках, ему выделили значительные средства, и производство колонок началось в промышленном масштабе на фирме, которую два директора вовремя создали при институте.

Деньги потекли рекой — нюх не обманул директора.

Участие Алика в этой сделке оказалось уже малым, хотя Ильясов слово свое сдержал и не обидел ценного сотрудника. Алик же решил, что угнаться за акулами бизнеса у него все равно не получится, так что лучше пока заняться лечением больных — и наукой.

Глава 18

Рекомбинация

Навруз — праздник весны по солнечному календарю — в Саудовской Аравии после победы над пандемией встречали с особенной помпой. Из России приехало много народа, особенно из Дагестана. Вскоре среди гостей выявили массовое заболевание. Генетический анализ показал, что этот вирус произошел в результате рекомбинации вирусов SARS и MERS.

Расследование показало, что пришел он из России. Что тут началось, какой шквал обвинений! Для других стран все выходцы из России — русские, потому в прессе писали: «Русские привезли смертельную болезнь», «Биологическое оружие русских в действии»...

В блогах замелькали предсказания о том, что наступают последние дни. Вспомнили пророчества из книги Иезекииля, мол, эпидемия явилась «как буря от пределов севера», от князя Роши — повелителя народов Гога и Магога... Тему подхватили СМИ и связали этого мифологического князя из книги пророка с именем целой страны. Однако особо неприятным оказалось то, что политики и пресса Ближнего Востока поддержали этот накат...

Мало проблем с Западом — теперь беда пришла с Востока. СМИ вспомнили про стену Александра Македонского, что тянулась от Дербента до Черного моря, и стали требовать построить новую стену, которая бы отделяла Россию от Закавказья и стран Ближнего Востока. Мол, опасность миру исходит из России!

В Дербенте выявили «нулевого» пациента — Тимура, который в это время уже вновь лежал в реанимации. Алик вспомнил, что шеф ему говорил о возможной рекомбинации вирусов. Медлить было нельзя. Он позвонил Арканову, и тот срочно вылетел в Дагестан. В центре «Авиценна» закипела работа. Они довольно быстро подобрали комбинацию антител к SARS и MERS, которые на колонках отлично чистили кровь и приводили к полному излечению пациентов.

Тимура спасти не удалось — у старика оказалось много сопутствующих болезней. Однако антитела и лимфоциты, выделенные у него, помогли спасти многих других пациентов. Колонки Гусева-Арканова стали основным методом лечения комбинированного вируса.

Откуда пришла зараза, оттуда явилось и спасение — директор центра «Авиценна» доложил высокому начальству, что под его руководством болезнь побеждена!

И вот перед Александром Гусевым — награды, премии, мировое признание. По этому пути он пойдет вместе со своим шефом, который не

будет больше отказываться от наград, ведь теперь он во всем слушается своей жены Зинят. А та плохого не посоветует.

Зинят нашла в этой истории свое счастье и утолила жажду мести. А все началось с того, что она послала к Алику девушку, у которой на руке краснела надпись: «Иди».

Да, и вот еще что произошло. Алику пришло сообщение в мессенджер — и тут же исчезло. Он даже не успел как следует разглядеть фотографию младенца, что прислала Ольга. Но фразу эту он уже не забудет: «У него твои глаза...»

Москва — Дербент — Санкт-Петербург